РУССКИЕ ПИСАТ.
В КЛАССЕ
4
КАРАМЗИН

g 71/101

9/71.
8/101.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ КЛАССѢ.

редакція

Петра Вейнберга.

Выпускъ IV.

КАРАМЗИНЪ.

(Письма Русскаго Путешественника).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Е. Ландау Площ. Больш. театра, 2.
1881.

Цѣна 30 коп.

IV-II

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ КЛАССѢ.

РЕДАКЦІЯ

Петра Вейнберга.

Выпускъ IV.

КАРАМЗИНЪ.

(Письма Русскаго Путешественника).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау Площ. Больш. театра, д. № 2.
1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 15 Іюля, 1881 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Письма русскаго путешественника“ — плодъ пребыванія Карамзина за границею, куда онъ отправился двадцатитрехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ (въ 1789 г.) и гдѣ пробылъ полтора года. Онъ писалъ ихъ въ Москву къ своимъ близкимъ друзьямъ Плещеевымъ, а впослѣдствіи они появились въ печати, въ издававшемся Карамзинымъ „Московскомъ Журналѣ“ (1791 и 1792 гг.).

Черезъ Петербургъ и теперешній Остзейскій край путешественникъ проѣхалъ въ Пруссію; останавливался болѣе или менѣе долго въ Кенигсбергѣ, Маріенбургѣ, Данцигѣ, Берлинѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ пробылъ около десяти дней. Въ Саксоніи вниманіе его привлекъ главнымъ образомъ, конечно, Дрезденъ, гдѣ онъ внимательно осматривалъ знаменитую картинную галлерею и др. художественныя собранія; въ Лейпцигѣ, бывшемъ въ ту пору

пріютомъ нѣмецкой учености, онъ знакомился съ профессорами, слушалъ лекціи, посѣщалъ библіотеки и т. п. Изъ Лейпцига онъ проѣхалъ въ Веймаръ, бывшій тогда средоточіемъ нѣмецкой поэзіи и заключавшій въ своихъ стѣнахъ такихъ писателей, какъ Гете, Гердеръ, Виландъ; съ двумя послѣдними Карамзинъ видѣлся нѣсколько разъ. Затѣмъ слѣдовали: Эрфуртъ, Гота, Франкфуртъ на Майнѣ, Мангеймъ, Страсбургъ—и отсюда, черезъ Эльзасъ, нашъ путешественникъ проѣхалъ въ Швейцарію, куда сильно влекли его тѣ свойства этой страны и ея народа, которыя такъ краснорѣчиво описаны въ приводимыхъ ниже письмахъ. Здѣсь болѣе продолжительное время прожилъ онъ въ Базелѣ и Цюрихѣ, (въ этомъ послѣднемъ городѣ особою приманкою для него служилъ Лафатеръ), Бернѣ, Лозаннѣ, Женевѣ, наслаждаясь красотами природы и тѣми предметами и личностями, которыя давали болѣе или менѣе обильную пищу его умственнымъ требованіямъ. Слѣдующая за Швейцаріею страна была Франція, обозрѣніе которой Карамзинъ началъ съ Ліона, соблюдая и здѣсь обыкновенную свою программу знакомства съ мѣстностями. 27 марта 1790 г. онъ въѣхалъ въ Парижъ, въ которомъ пробылъ три мѣсяца и которому посвятилъ большое количество писемъ. Оттуда, черезъ Кале и Дувръ Карамзинъ переѣхалъ въ Англію, или, собственно говоря, въ Лондонъ,

такъ какъ все время онъ провелъ въ этомъ городѣ. Изъ Англіи моремъ онъ возвратился въ отечество.

„Письма русскаго путешественника“ составляютъ довольно объемистый томъ, заключающій въ себѣ 152 письма, изъ коихъ одни обширны, другія ограничиваются нѣсколькими строками. Въ настоящемъ изданіи собраны наиболѣе характеристическія изъ нихъ, могущія въ сложности дать очень опредѣлительное понятіе о „сентиментализмѣ“ Карамзина, лежащемъ въ основѣ чуть-ли на всѣхъ его произведеній, о степени его образованія, о его литературныхъ и художественныхъ познаніяхъ и воззрѣніяхъ и т. п. Исключены нами, сообразно плану нашего изданія, тѣ письма, которыя во 1-хъ трактуютъ о предметахъ, не представляющихъ для насъ, особенно въ настоящее время, никакого интереса по ихъ незначительности или спеціальности; во 2-хъ, ограничиваются простымъ перечнемъ предметовъ, (какъ напр. въ описаніи Дрезденской галереи); въ 3-хъ, посвящены предметамъ, недоступнымъ для пониманія тѣхъ читателей нашихъ, для которыхъ спеціально предназначено наше изданіе, (напр. описаніе свиданія съ философомъ Кантомъ, съ Боннетомъ и т. п.).

При перепечатываніи писемъ, намъ очень хотѣлось сохранить правописаніе автора, что̀ было-бы особенно интересно для учащихся; но неимѣніе, къ сожалѣнію, такого

изданія „Писемъ“ Карамзина, которое могло-бы послужить непогрѣшимымъ въ этомъ отношеніи образцемъ, заставило насъ отказаться отъ этого намѣренія.

Что касается до значенія и достоинства „Писемъ“, то, по плану нашего изданія, все это находится въ „Критическихъ Замѣткахъ“, помѣщенныхъ въ концѣ книги.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Тверь, 18 мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?

Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія! Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я при-

горюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!.. Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь... Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и

языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!....

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Такъ то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Курляндская корчма, 17 іюня 1789.

...Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія ворота. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое что Ильѣ.

Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ.

Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодаго путешественника и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою...

Мы въѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣй-

ствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ.

Скоро открылась Митава. Видъ сего города не красивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я—и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго...

Онъ великъ, но не хорошъ. Домы почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать, зажмурясь.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ и вспомнилъ одинъ московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ было я писать романъ и хо-

тѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я почевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ тоже случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный, что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ несчастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ... Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки и отъ скуки начали бранить русскій народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги?— Нѣтъ, отвѣчали они. „А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о русскихъ, побывавъ только въ пограничномъ городѣ“. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе быть въ Голландіи и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ,

тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!“—Хорошъ гусь! думалъ я—и пожелалъ имъ добраго вечера.

Берлинъ, 2-го іюля 1789.

Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ театрѣ. Представляли драму „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, сочиненную господиномъ Коцебу, ревельскимъ жителемъ [1]). Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ другимъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!... Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ піесѣ несравненна. Г. Флекъ играетъ ролю мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Г-жа Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. Я думаю, что у нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ

драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостію представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны [2]). Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести: но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть... Вышедши изъ театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ счастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что изящныя искусства не имѣютъ вліянія на счастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей—пока будетъ оно чувствительно!

Дрезденъ, 12-го іюля 1789.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа, благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ ангельскій, и слышу гласы блаженныхъ духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго священника, гдѣ познакомился еще съ секретаремъ нашего министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый большой садъ. Длинная аллея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ-за котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ, что́ обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело!.. Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: любезная природа!—и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду вспоминать прошедшее!

Франкфуртъ на Майнѣ, 31-го іюля 1789.

...По своей цвѣтущей и обширной комерціи Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи... На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, промышлености*, изобилія...

...Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что нельзя итти по ней, не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большей части изъ засаленныхъ лоскутковъ, сквозь которые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ христіянскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные жиды какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, если случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь [3]).

Между франкфуртскими жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ француженка, говоритъ хорошо и по французски и по нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ

* Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ. Авторъ употребилъ его первый.

я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ синагогу. Я вошелъ въ нее, какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно покланяться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія, слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала, ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти и едва дерзающихъ молить судію своего о помилованіи. „Зачѣмъ вы пришли сюда?—(сказалъ мнѣ тотъ умный жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ).—Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Іерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда сѣтовать о бѣдствіи народа нашего. Оставьте насъ; мы представляемъ для васъ печальную картину“. Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе христіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе духа общественности, нежели въ другомъ народѣ.

Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н.— „Не покупайте ничего у Жидовъ,— сказалъ онъ мнѣ;—изъ нихъ рѣдкій не обманщикъ". „Не правда, государь мой!— отвѣчалъ съ жаромъ израильтянинъ;—мы не безчестнѣе христіянъ". Сказалъ и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: Мендельзоновъ „Іерусалимъ" [4]). —Мендельзонъ былъ великій человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. „Вы знаете его?—(спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою);—знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я?" —Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ жидъ мой бросилъ на столъ талеры и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ [5]) нашихъ временъ, былъ жидъ, былъ жидъ!—Здѣшніе актеры недавно представляли Шекспирову драму, „Венеціянскаго Купца". На другой день франкфуртскіе жиды прислали сказать директору комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ театръ, если сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ [6]). Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на франкфуртскомъ театрѣ.

Стразбургъ, 6-го августа 1789.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины, гдѣ роскошная природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости, пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ вытти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ натурою, и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ, вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя,—по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышлености и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ!...

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно

для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

Базель.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшвій воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые швейцары! Всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая

роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу *), не возмущаемую тиранскими страстями!.. Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію, что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы—чувствую я тоже и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими!.. Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, про-

---

*) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчно-юнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

ливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, любызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ, смотритъ на проѣзжихъ и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины... Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Цирихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ [7]) рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока [8]) наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его „Германѣ“ [9]); гдѣ Бодмеръ [10]) собиралъ черты для картинъ своей „Ноахиды“ и питался духомъ временъ патріаршихъ; гдѣ

Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ музами и мечтати для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ [11]), сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ греческихъ, пѣвца боговъ и героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго и пѣснями своими восхищающаго греческое юношество—видѣлъ, внималъ и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ тевтоновъ *); гдѣ нашъ Л* [12]) бродилъ съ любовною своею грустію, и всякій цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ веймарской своей богинѣ.

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою „Ворона“ отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ... Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду—нужно ли сказывать къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой,

---

*) Т. е. нѣмцевъ. Штолбергъ перевелъ Иліаду.

высокій, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно была узнать—Лафатера [13]). Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною, поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ, сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи и сказалъ: „Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь, какъ дома.“ —Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: „Физіогномическій Кабинетъ“, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Ужели я надѣялся, что со мной обойдутся дружелюбнѣе и, услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго и предайте забвенію слабость вашего друга... Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ—въ собраніе цирихскихъ ученыхъ, къ профессору Брейтингеру [14]), гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ свободно говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

„Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

„Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліются.

„Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

„Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ, когда мы изъ грудей ея піемъ блаженство и восторгъ?

„Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ".

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

Эглизау, 14 августа 1789.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться—день былъ самый ясный, жаръ безпрестанно усиливался—и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ

воды и вина, которое подкрѣпило силы мои, и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега,—и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у своего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, — отвѣчалъ Б*,— что оно слишкомъ, слишкомъ возвеличено путешественниками“.—„Мы одно думаемъ,—сказалъ я;—рѣка, съ пѣною и шумомъ ниспадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердце?“ Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ и, боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи.

На другой день, послѣ обѣда, поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ влѣзли мы на высо-

кій утесъ, потомъ опять спустились ниже и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ. Ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ то неизглаголанномъ! Я наслаждался—и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что̀ составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть.

Я сѣлъ на цирихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока) — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ, качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленыя рѣшетки вѣтвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчиваютъ высокій берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые

составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ натуры... Ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ 9 ч. утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею, пошелъ, съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои—и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна... Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ

колѣна, устремилъ взоръ свой на небо и принесъ жертву сердечнаго моленія Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!.. Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова, но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо [15]) говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ—и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго Штауббаха, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды, забываетъ онъ время и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ

Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ, потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится и что я хочу остаться у нихъ и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. Теперь лежу на хижинѣ, на которую мнѣ стоило только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ великаны земнаго шара! Черезъ полчаса пойду далѣе.

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы.

Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ, дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить нельзя — и, къ удивленію моему, не ви-

далъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣсколько минутъ, и если не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и, видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. „Она чиста", —сказалъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ, взглянулъ на меня и засмѣялся, почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: „пей добрый человѣкъ, пей нашу воду!" Я взялъ чашку,—и еслибы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!.. Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ

сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ, наслаждались они любовью, (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: люблю тебя, и дарамъ природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе; но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей... Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: поди и будь счастливъ! Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему счастія; —но онъ уже нашелъ его!

Женева, октябрь 1789.

Кто, будучи въ женевской республикѣ, не почтетъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ писателей нашего вѣка! [16]).

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ нѣмцемъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Фернеи, откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домомъ на

лѣвой сторонѣ увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: „Вольтеръ Богу“.

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое госпожа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: son esprit est partout et son coeur est ici, (духъ его вездѣ, сердце его здѣсь); выше: mes mânes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous, (тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ). На стѣнахъ висятъ портреты: первый—нашей Императрицы [17]) (шитый на шелковой матеріи съ надписью: présenté à Mr. Voltaire par l'Auteur, и на сей портретъ смотрѣлъ я съ бо̀льшимъ примѣчаніемъ и съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, нежели на другіе); второй — покойнаго прусскаго короля; третій — Лекеня, славнаго парижскаго актера; четвертый — самого Вольтера, и пятый—маркизы де Шатле, которая была ему другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портреты Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XVI, Дидрота

и Делиля [18]). Прочіе эстампы и картины не важны, Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ авторовъ осьмаго надесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмаго надесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ. Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ, всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ и никакая философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя геній натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствій ихъ весьма ограниченъ. Всякій любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ „Заиры?“ [19]) но многіе ли удивляются „Отеллу?“ [20]).

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ-бы изъ оконъ своихъ ви-

дѣть Бѣлую Савойскую гору, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самимъ горамъ. Большой, чистый прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерово твердятъ всѣ жители Фернея.

Рѣка Сона, 1790 г.

Солнце восходитъ, туманъ раздѣлился, лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами, подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащемъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась; молодой англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою; другой англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью и напоминаетъ мнѣ тѣхъ духовъ въ Багватъ-Гетѣ [21]), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло; высокій нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку; я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи,

ни въ Швейцаріи: сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе домики съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и вракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!... Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости!

Но, можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть, черезъ нѣсколько вѣковъ, (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ), явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ африканской!... Горестная мысль!

Наблюдайте движенія природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію—и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ, они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! Оссіанъ! [22]) ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего

подлуннаго и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ—рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня—то, что съ паденіемъ народовъ не упадетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ, и если запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ пѣвецъ „Мессіады", которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнокъ свой, за то у подошвы Юры видимъ Боннета [23]), а въ Кенигсбергѣ—Канта [24]), передъ которыми Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Парижъ, 27 марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій—и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. Вотъ онъ—(думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы,

источникомъ вкуса, модъ; котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и Африкѣ; котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ! Ахъ, друзья мои! сія минута была одной изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ!... Товарищъ нашъ, французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: „Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Тампль; противъ насъ—Св. Антонія; а на лѣвой сторонѣ за Сеною—предмѣстіе Сенъ-Марсель, Мишель и Жермень. Эта высокая готическая башня есть древняя церковь Богоматери; сей новый великолѣпный храмъ, котораго архитектурѣ вы конечно удивляетесь, есть храмъ святой Женевьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ парижскихъ зданій, гдѣ короли и отечество покоятъ заслуженныхъ престарѣлыхъ воиновъ“.

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но чтоже увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и людей въ раздранныхъ рубищахъ. И это Парижъ? (думалъ я)—городъ, который издали казался столь вели-

колѣпнымъ?... Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, домы въ шесть этажей, богатыя лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; безпрестанно кричатъ: gare! gare! (сторонись!) и народъ волнуется, какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

---

2 апрѣля.

Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... Я въ Парижѣ! говорю самъ себѣ; и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на домы, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами— веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета и не въ со-

стояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать.

Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ... Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга, ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность, напримѣръ, съ важными швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А парижскій житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы въѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами, на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора Мартръ, покрытая безчисленными вѣтреными мельницами, которыя,

размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, страусовъ или альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладкая какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ въѣзжаете въ Поля Елисейскія, недаромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ [25]): лѣсокъ, насажденный самими ореадами [26]), съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ водевили. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умиленныхъ рощицъ, какъ будто безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней — и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ аллей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада, или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и

статуй. Художникъ ле-Нотръ, творецъ сего, конечно, искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ Поляхъ Елисейскихъ, а такъ называемые лучшіе люди, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите направо, налѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы, красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучитъ множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ! Мало, если назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, если не хотите перемѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите — тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблоковъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмете носъ и закроете глазъ. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе счастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ провансихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которой продаются духи и помада и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты, такъ, что вы должны будете

назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ и самымъ вонючимъ городомъ.

Карлъ V говаривалъ: „Lutetia non urbs, sed orbis“ (Лютеція, то есть Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ). Чтожъ бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые сверху до низу наполнены людьми? Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію 1,130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ—на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ, однакожъ сіи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работники, савояры, поденщики—и мало по малу городъ снова оживляется.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится подъ его башнями и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго, города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ, какъ въ своей любезной столицѣ—зла-

тая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; остался одинъ блѣдный лучъ ея сіянія, который едва сверкаетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большой части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

Говорить-ли о французской революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно, происшествія вамъ извѣстны. Можно-ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своею любезностью, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяка до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi ...
(Для любезнаго народа
Счастье добрый государь...)

Не думайте однакожъ, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва-ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ на-

глымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ аристократахъ и демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близь Парижа крестьяне остановили молодаго, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: „vive la nation!" (да здравствуетъ нація!) Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: „vive la nation!" „Хорошо! хорошо—сказали они;—мы довольны. Ты добрый французъ; ступай куда хочешь. Нѣтъ, постой; изъясни намъ прежде, что такое... нація?"

Разсказываютъ, что маленькій дофинъ [27]), играя со своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: „ты аристократъ, великій аристократъ, бѣлка!" Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: „que faire j'aime les te-te-troubles!" (что дѣлать? я люблю мяте-тетежи!)

Но читалъ-ли маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ-

ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція—отверзтый гробъ для добродѣтели и—самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. Утопія [28]) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія-же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей—и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ!

Новые республиканцы съ порочными сердцами! Разверните Плутарха [29]), и вы услышите отъ древняго, величайшаго добродѣтельнаго республиканца, Катона, что безначаліе хуже всякой власти!

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ [30]). Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ, (правда, не многихъ), нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія жара и глубокаго чувства натуры—простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! [31])—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ греки и римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать

ихъ число, занимаясь ими болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations,) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою *.

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій, — и д'Аламбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ пьесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Нынѣшній день, въ Академіи Надписей и Словесности, узналъ я Левека, автора „Россійской Исторіи“, которая, хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ

* Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное, напримѣръ, Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе, — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что-же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?

до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ [32])—вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна; не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить,—и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ, не очень любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя—описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ; свой Лудовикъ XI — Царь Іоаннъ; свой Кромвель—Годуновъ—и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело [33]).

Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть

его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ русскій! Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный французскій писатель можетъ унизить нашего славнаго монарха, говоря: „on lui a peut-être refusé avec raison le titre d' homme de génie, puisque, en voulant former sa nation, il n' a su qu' imiter les autres peuples *." Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ, —и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что̀ сыскано? Лучше ли бъ было русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это не русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другаго? И не должно ли сравняться, чтобы превзойти? Однакожъ, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды

* То есть: „Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ: ибо онъ, желая образовать народъ свой, только подражалъ другимъ народамъ".

для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... „Но въ немъ теплѣе!...“ У насъ есть шубы... „Зачѣмъ же имѣть два платья?...“ Затѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла.. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее тоже, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица; сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лице? Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго, а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая

скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: „смотрите, сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!“ Нѣмцы, французы, англичане, были впереди русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками; Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи, или ничто иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что̀ англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. „Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas regné, les Russes seroient anjourd'hui ce qu'ils sont“, т. е. хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? Но сколько трудовъ стоило монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на русскихъ, не

имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими европейскими землями было очень несвободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо, и въ два вѣка, по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что̀ государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Эрменонвилъ.

Верстъ 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее его дѣло было—благодѣяніе, послѣднее слово—хвала природѣ; тамъ, въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою насажденныхъ, покоится прахъ его... Туда спѣшатъ добрые странники видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ генія, ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался, дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ, и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревамъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ Жака вырѣзаны слова: „любовь все соединяетъ“. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапе, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона [34]).

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ—новой философіи, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сабиллина храма въ Тиволи.

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню[35]; надъ входомъ: „познавай причину вещей“; а на столпѣ: „кто довершитъ?“ Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальныя воды, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ алтарю задумчивости. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: „здѣсь погребены кости

несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина за несогласное мнѣніе о религіи." На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь покланяюся Творцу,
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокій песокъ, являютъ вамъ картину сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: „царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалашѣ; всякій у себя господинъ"; а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснился;
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть счастливымъ!.. Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо, съ надписью: „Жанъ-Жакъ безсмертенъ". Тутъ, между многими девизами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе женевскаго гражданина: „тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ". Идете далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящіе водопады, напоминаютъ

вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ: вы ищите глазами Юліина имени, [36]) и видите его—на камняхъ и деревахъ.

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельскій и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя дерева; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькій жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie
(Дружбѣ, бальзаму жизни).

Подъ сѣнію одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20-го мая 1778, а умеръ 2 іюля, слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностью снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, литература, слава,—все ему наскучило; одна природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невин-

ныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы; 2 іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту, велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: „comme la nature est belle!“ и закрылъ глаза навѣки... Человѣкъ рѣдкій; авторъ единственный, пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самихъ заблужденіяхъ, любезный въ самихъ слабостяхъ; младенецъ сердцемъ до старости; мизантропъ, любви исполненный; несчастный по своему характеру между людьми и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотъ творенія!... Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, ile des peupliers, осѣненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ, и Харонъ[37]) говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильскій цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельникова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевозчика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Всякая могила есть для меня какое то святилище; всякій безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу! Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: „ici repose l'homme de la nature et de la vérité", (здѣсь покоится человѣкъ истины и природы); а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукѣ томъ „Эмиля" [38]); наверху девизъ Жанъ-Жаковъ: vitam impendere vero, (жить для истины). На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: hic jacent ossa I. I. Rousseau, (здѣсь лежатъ кости Руссовы).

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи, тотъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни!

Іюнь, 1790.

Кажется, объ аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлали шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: тоже самое можно сказать о французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ аѳинскимъ народомъ.

Но французы имѣютъ характеръ, имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ госпожею Н*

и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

„Скажу: огонь, воздухъ,—и характеръ французовъ описанъ! Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно англичанинъ или нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забываетъ, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга.... Ахъ, друзья вездѣ рѣдки! И чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, подобно кометѣ, являясь, исчезаетъ? Дружба есть потребность жизни; всякій хочетъ для нея предмета надежнаго. Но все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока. Французъ непостояненъ—и не злопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ ему скоро наскучить, ненависть также. По вѣтренности оставляетъ онъ

доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою и даже плачетъ, если надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служитъ революція. Жаль, если эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!"

Это писано для дамы, и для француженки, которая ахнула бы отъ ужаса и закричала: сѣверный варваръ! если бы я сказалъ ей, что французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностью! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни якобинцы, ни аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры—и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ, тамъ, гдѣ геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣ-

ній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть, порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторіи, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго! Можетъ быть, тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть, тогда еще болѣе полюблю человѣчество, или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою...

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, и я въ Англіи—въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть, конечно, одно изъ первыхъ государствъ Европы. Здѣсь все другое! другіе домы, другія лица, другіе люди, другая пища—однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Лондонъ.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестя-

щія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ, (въ чистыхъ бѣлыхъ корестахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу, вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты—одимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бы мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

Іюль, 1790.

Наконецъ вижу и Лондонъ. Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранит-

нымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ красного дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (squares), гдѣ представляются вамъ или статуи, или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: Лондонъ прекрасенъ! Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ, здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ здоровье и довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и

мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко—вездѣ свѣтлый просторъ, несмотря на многолюдство.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ передо мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія; люблю теряться душою въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ, думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ миріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрѣ предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его; первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей—но не всякій обязанъ имѣть мои чувства.

... Кто скажетъ вамъ: „шумный Лондонъ"! тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, нетолько въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности и спѣшатъ отдыхать. Если бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то

вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные домы: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное португальское вино, и хорошо, если въ десять минутъ услышите два слова — какія же? „your health, gentleman!“ (ваше здоровье!) Мудрено ли, что англичане славятся глубокомысліемъ въ философіи? Они имѣютъ время думать. Мудрено-ли, что ораторы ихъ въ парламентѣ, заговоривъ, не умѣютъ кончить? Имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ то сладостномъ забвеніи, не спалъ, но видѣлъ сны, восхитительные и печальные.

Темныя, лестныя милыя надежды сердца! Исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? Или, со всѣми правами быть счастливымъ, узнаю счастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: „я не жилъ“!

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть! Ахъ, молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце въ полнотѣ жизни творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется ему возможнымъ, все близкимъ. Любовь и слава — два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ

нами и подымаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастія, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; пышность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности счастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь, какъ солнце, скатилась съ горизонта—что жъ осталось въ сердцѣ? Нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній, нѣжная тоска, чувство, подобное тому, которое имѣешь по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. А слава?... Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую—въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца! Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто

разъ оскорбленное самолюбіе поневолѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: „и мы, и мы были въ Аркадіи!“[39]) Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки, извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности, но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? Ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходъ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: „доброе утро, господинъ“! Что со мною было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: „добрый вечеръ“! Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ человѣкѣ: „какъ онъ молодъ“! и вдругъ скажутъ объ немъ: „какъ онъ старъ“!

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя со временемъ будутъ моими!

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками—и вопреки англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора [40]). Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли, или густо осѣненные деревами, такъ что ни одинъ яркій лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго счастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи—и каждая занимается особливымъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми—и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно кровь съ молокомъ, какъ говорятъ русскіе; одушевленные цвѣточки, любезные зефиру: все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи.

Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова эдема[41]); но, къ счастію тутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкій холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и счастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины

скромны и благонравны, слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ, и самые англійскіе лорды, и самые англійскіе герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго хорошаго, общества. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе, объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть счастливымъ дома и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра—и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того, англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь поутру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выйдетъ

изъ кабинета и скажетъ: теперь я твой! теперь я вашъ! Пусть назовутъ меня чѣмъ кому угодно, но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорю мысленно: „Несчастные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома, среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе какой то приличности составляетъ всю науку; гдѣ быть не страннымъ есть верхъ искусства для мущины, и гдѣ двѣ, три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ, для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? Если у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете наслаждаться другъ другомъ, и не знаете, какъ мило проводить цѣлые дни съ любезнымъ человѣкомъ, дѣля съ нимъ и дѣло и бездѣлье, въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ расположеніи сердца. А если вы родители, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръдансѣ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его сердцѣ порокъ и нечестіе.

Сидя за клавесиномъ, среди блестящаго общества, ты, красавица, хочешь нравиться и поешь какъ малиновка; но малиновка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна попечительная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, если не хороши дѣти ея; а та, которая свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семейственнымъ, не можетъ назваться попечительною".

Литература англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много о с о б е н н о с т е й, а въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество ж и в о п и с н о й поэзіи (poésie descriptive): французы и нѣмцы переняли сей родъ у англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми „Временами года"; ихъ можно назвать зеркаломъ натуры... Въ англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то простодушіе, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей.

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ [42]), но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ

великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: „какой смѣшной! какой чудакъ"!

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса.

Еще повторяю: у англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировскій *бомбастъ*,[43]) а нѣтъ Шекспирова генія. Въ изобра-

женіи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанья и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ лондонскомъ партерѣ.

Нынѣшнія любимыя драмы англичанъ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою авторскаго таланта. Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много буфонства; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ, и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ [44]) выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы какъ исторію жизни, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита [45]) ничто не можетъ сравняться съ историческимъ тріумвиратомъ Британіи.

Новѣйшая англійская литература совсѣмъ не достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Юнгъ, гроза счастливыхъ и утѣшитель несчастныхъ, и

Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ британскихъ авторовъ.[46])

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ грамматики, и кто знаетъ частицы of и to,— знаетъ склоненія, кто знаетъ will и shall,—знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая, какъ азбуку, Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ англичанами нѣмы и глухи; то есть ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ англійскій выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что̀ мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена министерствомъ большая пошлина: они чуть-чуть разводятъ зубы, свистятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще англійскій языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма—богатъ краденымъ, или (чтобъ не оскорбить британской гордости) отнятымъ у другихъ. Всѣ ученыя и по большей части нравственныя слова взяты изъ французскаго или изъ латинскаго, а коренные глаголы изъ нѣмецкаго. Римляне, саксонцы, датчане истребили и британскій народъ, и языкъ ихъ; говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ, а смѣлость стихотворцевъ удивительна; но гармоніи и того, что̀ въ реторикѣ называется числомъ,

совсѣмъ нѣтъ. Слова отрывистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. Да будетъ же честь и слава нашему языку, который, въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ, какъ гордая, величественная рѣка, шумитъ, гремитъ—и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Было время, когда я, почти не видавъ англичанъ, восхищался ими и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ профессора Ш., читалъ я во время американской войны донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть англичаниномъ, великодушнымъ—тоже, чувствительнымъ—тоже, истиннымъ человѣкомъ—тоже. Романы, если не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ—но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Во первыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть счастливымъ, когда сердце

довольно и радостно; но веселый климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь, скорѣе нежели гдѣ нибудь, захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады, все это прекрасно въ Англіи: но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не на долго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. „Кланяйся отъ меня солнцу,— писалъ нѣкто отсюда своему пріятелю въ Неаполь;—я уже давно не видался съ нимъ." Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бываютъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какже англичанину не смотрѣть сентябремъ?

Во вторыхъ—холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. „Это волканъ, покрытый льдомъ", сказалъ мнѣ, разсмѣявшись, одинъ французскій эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искренниxъ, живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ, какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того-ли, что кажется глубокомысленнымъ? Не потому-ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, [47]) ничего не доказываетъ.

Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная—отечество ихъ, и можно-ли по справедливости сказать, чтобы (напримѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница? [48]).

Но что англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову исторію, служанка — „Кларису“ здѣсь лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества, и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ[49]) краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ нельзя выразить смысла англійскаго слова humour, означающаго и веселость, и шутливость, и замысловатость; изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ, шутливость—въ народныхъ, глупыхъ театральныхъ фарсахъ, а веселости ни въ чемъ не вижу; даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! А когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерическій. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь-же мрачные, какъ туманы, которые носятся надъ стихіею славы вашей,—оставьте недругамъ вашимъ, французамъ, всякую игривость ума! Будьте разсудительны, если вамъ угодно, но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живаго сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны—и скучны!...

...Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ и всегда помогутъ несчастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется несчастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж., нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду, и пакет-боты никакъ не могли выдти изъ нея. Ж. издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что̀ дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ каналъ, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый англичанинъ и молодой парижскій купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый англичанинъ? Дивился его безразсудности и, повторивъ нѣсколько разъ: „какъ можно на всякій случай не брать съ собою лишнихъ денегъ“? вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой французъ? Высыпалъ на столъ свои луидоры и сказалъ: „возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселѣе“. — „Государь мой! вы меня не знаете“. — „Все одно, я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся“. Ж. взялъ съ благодарностью луидоровъ 10 или 15 и хотѣлъ дать ему

свой лондонскій адресъ. Французъ не принялъ его, говоря: „ваше дѣло сыскать меня на биржѣ; я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человѣкъ". Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодѣянія, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго рода трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человѣкъ не можетъ быть въ нищетѣ; изъ чего вышло у нихъ правило: кто у насъ бѣденъ, тотъ не достоенъ лучшей доли—правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпитъ, и должна таиться! Ахъ! Если хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаетъ онъ муку Тантала![50]) И какое ложное правило!.. Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? Напримѣръ, болѣзнь...

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго духа торговли, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оттѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣтьте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ

нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ-же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго безразсуднаго сердца.

Они горды—и всего болѣе гордятся своею конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма[51]) съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы. Напримѣръ, англійскій министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что̀ ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и члены парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Питтъ [52]) вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно-бы лишился большинства голосовъ въ парламентѣ, какъ волшебникъ—своего талисмана. И такъ не конституція, а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что̀ хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: „мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ". Впро-

чемъ, всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Кто думаетъ, что счастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ англійскій сплинъ! Эту нравственную болѣзнь можно назвать и русскимъ именемъ: скукою, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! Въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и—зѣваетъ. Богатый англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ несчастливы отъ счастья! Я говорю о здѣшнихъ праздныхъ богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а дѣятельные, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ сплина.

Не отъ сплина ли происходятъ и многочисленныя англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или whim? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ счастіемъ, хочетъ, по крайней мѣрѣ, удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ... Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ до сыта дурачиться, не давая ни-

кому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: „если въ Англіи позволено дурачиться, у насъ не запрещено умничать; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.“

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, не противныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество особенныхъ характеровъ и богатую жатву для романистовъ. Другія европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, ростутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ, еслибы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство англичанъ, я назвалъ бы ихъ угрюмыми. такъ какъ французовъ—легкомысленными, итальянцевъ—коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствія общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ, въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нея безъ сожалѣнія.

Кронштадтъ.

Берегъ! Отечество! Благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштадта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лашеза, [53]) или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіи осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (если столько проживу на свѣтѣ), будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку, (между нами будь сказано), занимательнѣе самаго себя?... Почему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе... Но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

ПРИМѢЧАНІЯ

1) Коцебу, нѣмецкій драматическій писатель (1716—1819), бывшій одно время директоромъ нѣмецкаго императорскаго театра въ Петербургѣ. Обладая несомнѣннымъ драматическимъ талантомъ, онъ, однако, отчасти по отсуствію изящнаго вкуса, отчасти изъ желанія угождать вкусамъ необразованнаго большинства и этимъ пріобрѣтать себѣ славу и деньги, принялся за сочинительство пьесъ въ духѣ тогдашняго водянисто-сентиментальнаго направленія и такъ попалъ, что называется, въ жилку публики, что эта послѣдняя ставила Коцебу выше его знаменитыхъ современниковъ Шиллера и Гете, которыхъ она меньше понимала и потому меньше цѣнила. Этимъ *направленіемъ* драматической дѣятельности Коцебу объясняется и отзывъ Карамзина о его пьесѣ „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, пользовавшейся наибольшимъ успѣхомъ между всѣми драматическими сочиненіями этого писателя, (ихъ было написано имъ свыше 200).

2) Въ этихъ строкахъ уже видно то противодѣйствіе французскому ложно-классицизму, которое впослѣдствіи Карамзинъ повелъ энергично и систематично и съ выраженіемъ котораго читатели еще не разъ встрѣтятся въ „Письмахъ“.

3) Въ то время евреи, вслѣдствіе религіознаго фанатизма и невѣжественныхъ предразсудковъ, подвергались страшнымъ гоненіямъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи: Франкфуртъ на Майнѣ наиболѣе прославился въ этомъ отношеніи: тамъ преслѣдованія этого народа приняли самую ужасную форму. Карамзинъ приводитъ только тысячную часть того, что̀ было на самомъ дѣлѣ.

4) Мендельсонъ (1729—1786), другъ знаменитаго нѣмецкаго критика Лессинга, прославился своими философскими сочиненіями, между которыми главное мѣсто занимаетъ „Федонъ или о безсмертіи души“. Къ огромной учености и глубокому уму въ Мендельсонѣ присоединялись большія нравственныя досто-

инства; существуетъ мнѣніе, что многія черты его Лессингъ заимствовалъ для созданія главнаго дѣйствующаго лица въ своей извѣстной драмѣ „Натанъ Мудрый".

5) Сократъ и Платонъ—извѣстные греческіе мудрецы.

6) Въ трагедіи Шекспира „Венеціанскій Купецъ", главное дѣйствующее лице—еврей Шейлокъ, представленъ очень кровожаднымъ: у человѣка, который занимаетъ у него деньги, онъ беретъ въ залогъ фунтъ его мяса, съ тѣмъ, что если тотъ не уплатитъ въ срокъ, то Шейлокъ имѣетъ право вырѣзать этотъ фунтъ изъ какой части тѣла ему угодно. И когда уплата дѣйствительно не состоялась, то еврей настаиваетъ на полученіи своего залога и не смягчается никакими мольбами и увѣщаніями.

7) Геснеръ (1730—1786), нѣмецкій писатель, извѣстный главнымъ образомъ своими идилліями, доставившими ему въ свое время большую славу, впрочемъ достаточно преувеличенную.

8) Клопштокъ (1724—1803), знаменитый нѣмецкій поэтъ, писавшій произведенія эпическія, лирическія, драматическія и нѣсколько прозаическихъ,—особенно же прославившійся своею поэмою „Мессіада". Отличительное свойство его произведеній, сдѣлавшее его центромъ, около котораго сосредоточилась новая нѣмецкая школа, противодѣйствовавшая уродливому направленію тогдашней нѣмецкой поэзіи и французскому ложноклассицизму—глубина чувства, переходившая во многихъ случаяхъ въ излишнюю сентиментальность, даже плаксивость.

9) Клопштокъ имѣлъ большое вліяніе на тогдашнюю нѣмецкую молодежь и своими патріотическими стихотвореніями; между ними особенно почетное мѣсто занимаетъ поэма „Hermannschlacht" (битва Германа или Армѣнія), имѣющая, какъ показываетъ заглавіе, сюжетомъ одно изъ тѣхъ событій отечественной исторіи, которое могло дать поэту-патріоту очень обильную пищу.

10) Бодмеръ - основатель той школы, о которой говорится въ прим. 8; она называлась „Швейцарскою", потому что Бодмеръ и его товарищъ Брейтингеръ жили и работали въ Цюрихѣ. На первомъ планѣ она ставила подражаніе природѣ и предоставленіе полнаго простора чувству и фантазіи. „Ноахи-

да“ Бодмера, о которой упоминаетъ Карамзинъ, есть большая эпическая поэма изъ жизни Ноя, представляющая собою нѣкоторое подражаніе „Мессіадѣ“ Клопштока.

11) Штольбергъ—одинъ изъ выдающихся писателей, группировавшихся около Клопштока. Штольберговъ было двое—Христіанъ и Фридрихъ.

12) Это Ленцъ, нѣмецкій поэтъ, талантливѣйшій писатель той школы, которую образовалъ Гете своими первыми произведеніями и время существованія которой извѣстно въ исторіи литературы подъ названіемъ „періода бури и натиска“ (Sturm und Drangperiode), чѣмъ характеризировались стремленія и взгляды этихъ писателей. Ленцъ нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ, (онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи), гдѣ и умеръ въ сумасшествіи въ 1792 г. Карамзинъ былъ лично знакомъ съ нимъ и, между прочимъ, обязанъ ему своимъ знакомствомъ съ Шекспиромъ, которому безгранично поклонялась эта школа.

13) Лафатеръ – дѣятель той же „бурной“ школы, но преимущественно на богословскомъ поприщѣ, такъ какъ онъ былъ пасторъ; онъ же прославился особенно своими физіогномическими работами и изслѣдованіями, положившими начало наукѣ новой физіогномики. Гете называлъ его „цвѣтомъ человѣчества, лучшимъ изъ лучшихъ“. Карамзинъ завелъ съ нимъ переписку изъ Москвы, когда работалъ для „Дружескаго Общества“, основаннаго Новиковымъ.

14) Брейтингеръ—см. примѣч. 10.

15) Руссо, знаменитый французскій писатель (1712—1778), всю дѣятельность свою, и общественную, и литературную, посвятившій преимущественно на то, чтобы возбуждать въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ стремленіе къ устройству общественной жизни на началахъ истинной добродѣтели, къ улучшенію воспитанія и т. п. На Карамзина онъ имѣлъ очень большое вліяніе, какъ вообще на огромное большинство передовыхъ дѣятелей въ разныхъ странахъ Европы. „Натура и добродѣтель“ — вотъ что онъ противопоставлялъ господствовавшимъ до него началамъ въ жизни и литературѣ.

16) Т. е. Вольтеръ, знаменитый современникъ Руссо, (1694—1778) прославившійся особенно своими философскими со-

чиненіями, въ которыхъ главную роль играло ниспроверженіе авторитетовъ, до тѣхъ поръ считавшихся неколебимыми. Нѣсколько лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ Фернейскомъ замкѣ, въ Швейцаріи, составлявшемъ его собственность.

17) Екатерины II, съ которою Вольтеръ былъ въ перепискѣ и которая весьма высоко цѣнила этого писателя. Уваженіе же его къ Екатеринѣ выразилось, между прочимъ, въ стихѣ: „C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière". (т. е. свѣтъ приходитъ къ намъ теперь съ сѣвера).

18) Невтонъ или Ньютонъ, знаменитый англійскій математикъ и физикъ (1642—1727). Буало — французскій писатель времени Людовика XIV, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей французскаго псе́вдо-классицизма. Мармонтель—французскій писатель конца XVIII ст., авторъ, между прочимъ, романа „Велизарій", переведеннаго на русскій языкъ императрицею Екатериною II. Д'Аламберъ — французскій математикъ и философъ XVIII в. Франклинъ—великій основатель сѣверо-американской республики, прославившійся также въ области науки, (изобрѣтеніе громоотвода). Гельвецій—французскій философъ XVIII в., прославившійся своимъ сочиненіемъ: „De l'esprit". Дидротъ (собственно Дидро)—философъ, драматургъ и романистъ, (1713—1784) имѣвшій огромное вліяніе на умственное и нравственное развитіе тогдашняго общества своею „Энциклопедіею", которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ д'Аламберомъ и при содѣйствіи лучшихъ писателей и полное заглавіе которой: „Словарь наукъ, искусствъ и ремеслъ"; отъ этого и послѣдователи и единомышленники Дидро извѣстны подъ названіемъ школы „энциклопедистовъ". (Вообще-же энциклопедистомъ называютъ всякаго, имѣющаго болѣе или менѣе полныя познанія во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія). Делиль—французскій поэтъ конца XVIII ст., писавшій лирическія и эпическія произведенія въ ложно-классическомъ родѣ.

19) „Заира"—одна изъ трагедій Вольтера.

20) „Отелло"—трагедія Шекспира. Сопоставленіемъ „Заиры" и „Отелло" Карамзинъ хочетъ указать на разницу между произведеніями ложно-классической школы, имѣющими больше внѣшнихъ достоинствъ, и Шекспиромъ, пониманіе котораго доступно, по своему глубокому смыслу, только для избранныхъ.

21) Собственно—„Багаватгита“, одинъ изъ эпизодовъ знаменитой индійской поэмы „Магабарата“; въ „Багаватгитѣ“ заключается полный обзоръ индійскихъ вѣроученій.

22) Въ концѣ прошлаго столѣтія шотландецъ Макферсонъ выпустилъ въ свѣтъ пѣсни и поэмы собственнаго сочиненія въ древне-скандинавскомъ духѣ, приписавъ ихъ древне-кельтскому поэту Оссіану. Подражаніе было такъ удачно, что самые лучшіе знатоки вдались въ обманъ,—и эти пѣсни, имѣвшія въ свое время большое вліяніе на дѣятельность многихъ поэтовъ, ставившіяся даже выше произведеній Гомера, такъ и слывутъ до сихъ поръ подъ именемъ Оссіановыхъ.

23) Боннеттъ—извѣстный философъ и натуралистъ того времени. Онъ жилъ въ Женевѣ, и Карамзинъ часто видѣлся съ нимъ.

24) Кантъ (1724—1804)—творецъ новой, „критической“ философіи, произведшій въ этой наукѣ переворотъ своимъ сочиненіемъ „Критика Чистаго Разума“. Во время путешествія Карамзина по Германіи, Кантъ жилъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ нашъ путешественникъ и посѣтилъ его.

25) Елисейскими полями (Элизіумъ), древніе греки называли загробный міръ, представленный у Гомера въ самомъ радужномъ свѣтѣ.

26) Горныя нимфы.

27) Прежній титулъ наслѣдника французскаго престола.

28) Въ 1517 г. знаменитый государственный дѣятель Англіи Томасъ Моръ написалъ сочиненіе „Утопія“, въ которомъ, возобновляя мысли греческаго философа Платона, представилъ идеалъ новаго устройства общества и государства на началахъ добра, справедливости и т. п. Такъ какъ, по многимъ причинамъ, этотъ идеалъ не могъ и не можетъ осуществиться вполнѣ, то слово „утопія“ обратилось въ нарицательное для обозначенія недостижимыхъ на практикѣ стремленій.

29) Римскій историкъ, (съ 50—120 г. по Р. Х.), главное сочиненіе котораго—„Сравнительныя Жизнеописанія“.

30) Муза трагедіи у грековъ; (муза комедіи—Талія).

31) Карамзинъ обращается именно къ тремъ этимъ писателямъ потому, что они—главнѣйшіе представители того ложноклассическаго направленія, противъ котораго онъ здѣсь ратуетъ.

32) Тацитъ—знаменитый римскій историкъ, (род. около 60 г. по Р. Х.); главныя сочиненія его „Анналы“ (Лѣтопись) и „Исторіи“. Юмъ — извѣстный англійскій историкъ, внесшій въ исторію критическій методъ и философскій элементъ. Гиббонъ—тоже англійскій историкъ, пріобрѣвшій всемірную извѣстность своею „Исторіею упадка и паденія римской имперіи“. Робертсону обязана блестящею научною разработкой исторія Шотландіи.

33) Рафаэль—геніальный итальянскій живописецъ (1483—1520) создавшій „Мадонну“, до сихъ поръ признаваемую за первую картину въ свѣтѣ. Микель Анджело,—не менѣе знаменитый живописецъ, ваятель и строитель (1475—1564).

34) Теокритъ (или Ѳеокритъ)—греческій поэтъ, жившій около 300 г. до Р. Х. и прославившійся особенно въ области „буколической“ поэзіи, изображавшей въ самомъ розовомъ цвѣтѣ бытъ пастушескій. Виргилій—поэтъ собственно эпическій (жилъ въ Римѣ, въ царствованіе Августа), особенно прославившійся своею поэмою „Энеида“,—писалъ также въ буколическомъ родѣ; въ этомъ отношеніи извѣстны его „Bucolica“ и „Georgica“. Томсонъ—англійскій поэтъ XVIII ст., поэма котораго „Времена Года“, положила, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, основаніе такъ называемому сентиментальному направленію въ литературѣ.

35) Монтань—французскій философъ (1533—1592) положившій основаніе новой системѣ воспитанія, многія начала которой были усвоены императрицею Екатериною II, и сущность которой состояла въ томъ, что обученіе, т. е. обогащеніе ума познаніями, далеко не такъ важно, какъ воспитаніе, т. е. развитіе нравственной стороны человѣка.

36) Юлія—героиня романа „Новая Элоиза“, одного изъ главныхъ произведеній Ж. Ж. Руссо, имѣвшаго большое вліяніе на направленіе тогдашней и послѣдующей европейской литературы.

37) Харонъ—лицо изъ древней миѳологіи, обязанность котораго состояла въ перевозкѣ душъ умершихъ людей въ адъ черезъ рѣку Стиксъ. Здѣсь подразумѣвается просто лодочникъ —перевозчикъ.

38) „Эмиль"—то сочиненіе Ж. Ж. Руссо, въ которомъ онъ излагаетъ свою теорію воспитанія.

39) Стихъ Шиллера—„Auch ich war in Arkadien geboren!" (И я родился въ Аркадіи!) Аркадія—страна, считавшаяся у грековъ пріютомъ безмятежнаго, идиллическаго спокойствія и счастія на лонѣ природы; (оттуда выраженіе „аркадскіе пастушки").

40) Флора—римская богиня цвѣтовъ.

41) Мильтонъ, знаменитый англійскій поэтъ (1608—1674), главное произведеніе котораго—„Потерянный Рай", гдѣ изображается грѣхопаденіе первыхъ людей; рай (эдемъ) описанъ у него самыми привлекательными красками.

42) Вольтеръ, сперва признававшій въ Шекспирѣ большія достоинства, потомъ называлъ его „пьянымъ дикаремъ".

43) Вычурность выраженій, которою отличаются многія мѣста въ произведеніяхъ Шекспира. Bombast—англійское слово, означаетъ собственно напыщенность, надутость.

44) Ричардсонъ—одинъ изъ главныхъ основателей сентиментализма въ литературѣ, сдѣлавшій это своимъ романомъ „Кларисса", появившимся въ 1748 г. и которому подражалъ даже Руссо въ „Новой Элоизѣ". Остальные извѣстные романы Ричардсона: „Памела" и „Грандисонъ". Фильдингъ—тоже англійскій романистъ, отличающійся своею наблюдательностью и глубокимъ знаніемъ жизни; славу его составилъ романъ „Томъ Джонсъ" (1750).

45) Өукидидъ, греческій историкъ, написавшій „Исторію Пелопонезской войны". О Тацитѣ см. выше.

46) Юнгъ (Young), англійскій поэтъ, (ум. въ 1765 г.), составившій себѣ извѣстность „Ночными Думами", заключающими въ себѣ поэтическія размышленія въ меланхолическомъ духѣ о земной суетѣ, несовершенствахъ человѣческой натуры и т. п. Стернъ—(1713—1768), истинный творецъ сентиментальнаго направленія, введшій даже въ употребленіе это слово, такъ какъ его главное сочиненіе, вызвавшее множество подражаній, называется „Сентиментальное Путешествіе". Здѣсь онъ описываетъ больше свой внутренній міръ съ точки зрѣнія натуры и добродѣтели, т. е. тѣхъ-же началъ, которыя проповѣдывалъ Ж. Ж. Руссо.

47) Баконъ—знаменитый англійскій философъ (1561—1626) впервые вступившій въ борьбу съ средневѣковою схоластикой, Локкъ—тоже англійскій философъ (1632—1704) основатель новой педагогической системы, въ которой были развиты и видоизмѣнены воспитательныя начала Монтаня (см. выше). Гоббезъ—англійскій писатель той же школы и того же времени. О Ньютонѣ см. выше.

48) Декартъ, французскій философъ, математикъ и физикъ (1596—1650). Лейбницъ—нѣмецкій философъ (1646—1716), считающійся основателемъ нѣмецкой философіи.

49) Шериданъ—англійскій писатель, (1751—1816) прославившійся особенно комедіею „Школа Злословія"; онъ обладалъ также необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія, и единственная рѣчь, произнесенная имъ въ парламентѣ, доставила ему славу первокласснаго оратора.

50) Танталъ—лице изъ греческой миѳологіи. Юпитеръ наказалъ его тѣмъ, что, надѣливъ страшной жаждой, посадилъ въ воду, которая убѣгала отъ его губъ каждый разъ, какъ онъ стремился къ ней прикоснуться.

51) Делольмъ—авторъ книги „Constitution d'Angleterre".

52) Питтъ, знаменитый государственный дѣятель Англіи, послѣднихъ годовъ XVIII ст.

53) Кладбище отца Лашеза—одно изъ лучшихъ въ Парижѣ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I

Изъ „Исторіи Русской Словесности“ А. Д. Галахова.

Въ 1789 г. Карамзинъ отправился за границу, гдѣ и пробылъ полтора года. Для покрытія путевыхъ издержекъ, онъ передалъ старшему брату въ управленіе свое имѣніе и получилъ отъ него въ счетъ будущихъ доходовъ 2000 руб. Цѣлью путешествія было—„видѣть природу въ ея разнообразіи, видѣть великихъ мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на чувства“, и тѣмъ по возможности восполнить недостатокъ высшаго образованія, такъ какъ намѣреніе пріобрѣсть его слушаніемъ лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ не состоялось. Путешественникъ былъ отлично подготовленъ къ тому, чтобы съ успѣхомъ воспользоваться заграничною жизнью. Знаніе иностранныхъ языковъ, разнообразныя свѣдѣнія, обширная начитанность, познакомившая его съ литературами самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, нравственная выдержка въ Новиковскомъ кругу, замѣтно возвышали его не только надъ сверстниками, но и

надъ людьми болѣе зрѣлыми. Едва ли кто другой въ то время могъ похвалиться такимъ обиліемъ данныхъ — и природныхъ, и благопріобрѣтенныхъ. Читая заграничныя письма Карамзина, которыя онъ писалъ въ Москву къ семейству короткихъ друзей своихъ, Плещеевыхъ, и которыя потомъ явились въ печати подъ названіемъ „Писемъ русскаго путешественника", нельзя не удивляться, съ одной стороны, количеству прочтенныхъ имъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а съ другой—вѣрности многихъ сужденій, и въ наше время сохраняющихъ свою цѣну. А между тѣмъ ему было 22 года—возрастъ только что кончившаго курсъ студента.

Карамзинъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Каждая изъ этихъ странъ представляла ему особенный, такъ сказать спеціальный, интересъ для наблюденій. Непосредственнымъ знакомствомъ съ мѣстами и лицами повѣрялъ онъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія книгъ, или сформировавшіяся въ его умѣ подъ дѣйствіемъ воображенія. Германія привлекала его, какъ страна литературы, съ которою онъ освоился больше, чѣмъ съ другими литературами. Ему пріятно было увидѣть лицомъ къ лицу знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ, которыхъ сочиненія онъ читалъ и переводилъ. Карамзинъ питалъ къ нимъ искреннее уваженіе; по характеру сочиненій думалъ заключать о характерѣ авторовъ; на самой дѣйствительности желалъ провѣрить свои заочные выводы. Это желаніе, наконецъ, осуществилось; эта повѣрка сдѣлалась возможна. Легко по-

нять радость Карамзина во время его путешествія по Германіи, гдѣ жили и дѣйствовали его литературные кумиры. Другой интересъ находилъ Карамзинъ въ Швейцаріи — „странѣ живописной натуры, свободы и благополучія". Хотя и здѣсь жили привлекательныя для него личности: Боннетъ — „философъ съ чувствомъ", что́, во мнѣніи путешественника, служило наилучшею похвалою философіи, и Лафатеръ, съ которымъ онъ завелъ переписку, работая для „Дружескаго Общества" и который поэтому называлъ его своимъ „московскимъ пріятелемъ"; но не этимъ собственно нравилась ему Швейцарія. Она плѣняла его, какъ царство наивной, согласной съ природою, жизни человѣковъ. Въ ней онъ видѣлъ новую Аркадію, осуществленіе мечты о невозмутимомъ счастіи пастуховъ и пастушекъ. Картина патріархальной простоты восхищала его издавна. По наклонности къ пасторальному сентиментализму, онъ любилъ читать описательное стихотвореніе Галлера „Альпы" и въ примѣчаніи къ переводу поэмы „О происхожденіи зла" жалѣлъ, что мы уклонились отъ первобытной невинности и гордимся мнимою цивилизаціей. Тоже сожалѣніе, хотя нѣсколько охлажденное, встрѣчаемъ въ „Письмахъ": „Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ

подлинно счастливыми дѣлаютъ, наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовію, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы". Другимъ источникомъ пристрастія Карамзина къ Швейцаріи было увлеченіе судьбою и сочиненіями Руссо, „женевскаго гражданина". „Величайшій изъ писателей XVIII в.", какъ онъ называетъ Руссо, имѣлъ значительное на него вліяніе. Въ одномъ письмѣ Карамзинъ описываетъ мѣстечко Кларанъ, гдѣ происходитъ главное дѣйствіе „Новой Элоизы, а въ другомъ—островъ св. Петра, гдѣ ея авторъ „укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ". Оба описанія проникнуты сочувствіемъ къ Руссо. Съ противоположными чувствами въѣхалъ Карамзинъ во Францію. Онъ не искалъ здѣсь ни искренности, ни симпатичнаго сердца, потому что не надѣялся найти ихъ. Легкомысленный французскій умъ онъ уподобляетъ мыльному пузырю. Притомъже ему довелось быть въ Парижѣ въ грозное время зачинавшейся революціи, несогласной съ его чувствами и понятіями. Однакожъ этотъ городъ, сокращеніе всей Франціи, былъ оставленъ Карамзинымъ съ сожалѣніемъ и благодарностью. Причина тому — „духъ пріятнаго общежитія, которое какъ будто для французовъ или французами выдумано, искусство жить съ людьми, обратившееся въ ихъ вторую природу". Вотъ почему онъ мирился съ тѣмъ народомъ, бѣглому уму котораго, по его словамъ, не доставало зрѣлости, а живому чувству – искренности и силы. Цѣня всего болѣе нѣжную чувствительность, онъ

отнесся антипатично и къ характеру англичанъ, бывшихъ предметомъ его поклоненія въ отрочествѣ. Но семейственные нравы англійскаго народа, богатство ихъ литературы и науки, крѣпость политической силы и экономическаго быта, ихъ полная всемірнымъ значеніемъ исторія, стояли на виду у образованнаго путешественника и умѣряли его невольную холодность къ странѣ, которую онъ, не видавъ, воображалъ пріятнѣйшею для сердца землею. „Увидавъ же англичанъ", говоритъ онъ, „отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ, хотя похвала моя также холодна, какъ они сами".

Путешествіе было давнею, пріятнѣйшею мечтой Карамзина. Живучи въ Москвѣ онъ началъ писать романъ и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить именно тѣ земли, которыя дѣйствительно пришлось ему посѣтить. Въ одномъ письмѣ исчислены удовольствія и польза путешествія: чувство неоцѣненной свободы, по которой человѣкъ не прикованъ къ одному мѣсту, какъ животное, но можетъ переходить изъ климата въ климатъ и справедливо называется царемъ земнаго творенія; знакомство съ новыми предметами, которымъ самая душа какъ бы обновляется; мудрая связь общественности, благодаря которой мы повсюду находимъ всевозможныя удобства жизни, какъ-бы нарочно для насъ придуманныя и по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ намъ плоды трудовъ своихъ. Изъ этихъ новыхъ предметовъ европейской жизни Карамзинъ особенно интересовался плодами трудовъ умственныхъ и ху-

дожественныхъ, произведеніями науки и литературы и ихъ производителями. Во многихъ его письмахъ выражена юношеская радость при состоявшейся наконецъ возможности личнаго знакомства съ современными учеными, поэтами и литераторами. Разсказъ о визитѣ Гердеру заключенъ такими словами: „Пріятно, друзья мои, видѣть человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались; теперь, мнѣ кажется, я еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ автора". Описавъ свой ужинъ съ лейпцигскими учеными, Карамзинъ прибавляетъ: „Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ". Самая мѣстность получила въ его глазахъ особую цѣну по своему отношенію къ литературнымъ именамъ; такъ онъ смотрѣлъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ на окрестности Цюриха, воспоминая Геснера, Клопштока, Бодмера, Виланда, Гёте, Штольберга, Ленца. И потому главное содержаніе „Писемъ русскаго путешественника" составляютъ „извѣстія объ ученыхъ, литераторахъ, современныхъ и прежняго времени, объ ихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, объ ученыхъ обществахъ и училищахъ, о библіотекахъ, кабинетахъ, музеяхъ. Въ письмахъ изъ Германіи и Швейцаріи эти извѣстія занимаютъ четвертую часть. При свиданіи съ Кантомъ, Лафатеромъ и Боннетомъ Карамзинъ направлялъ рѣчь на важнѣйшіе предметы знанія, предлагалъ имъ вопросы о природѣ и нрав-

ственности человѣка, о философіи и философахъ и въ ихъ отвѣтахъ думалъ найти рѣшеніе своихъ сомнѣній. Однимъ словомъ: умственные интересы, факты западнаго просвѣщенія служатъ выдающимся пунктомъ его путевыхъ замѣтокъ. Съ этой стороны, „Письма“ были дѣйствительною новостью въ литературѣ русскихъ путешествій. Тогдашніе читатели еще не встрѣчали такого просвѣщеннаго сочувствія къ дѣятелямъ въ искусствѣ и наукѣ и въ первый разъ знакомились какъ съ ихъ личностью, такъ и съ ихъ произведеніями. Искренно любя просвѣщеніе, твердо убѣжденный въ томъ, что оно есть сила, Карамзинъ выставлялъ преимущества цивилизованной жизни, дѣйствіе „мудрой связи общественности“. Вотъ чѣмъ замѣчательны его „Письма“, хотя, съ другой стороны, справедливо, что въ нихъ, по сознанію самого автора, много неважнаго и мелочей, что они часто обращаютъ вниманіе на внѣшность европейской цивилизаціи и что современные интересы гражданскаго устройства и политики въ видѣнныхъ имъ странахъ мало ими затронуты, чего, впрочемъ, и нельзя было ожидать отъ двадцати-трехлѣтняго путешественника. Достаточно и тѣхъ качествъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ его письмамъ: вѣрности многихъ сужденій, сохраняющихъ и донынѣ свою силу, тонкости замѣтокъ о характерѣ французовъ, какъ причинѣ многихъ общественныхъ явленій, наконецъ интереса тѣхъ извѣстій, о которыхъ мы сейчасъ говорили и къ которымъ постоянно склонялась мысль путешественника.

Господствующій тонъ въ „Письмахъ“ Карамзина—сентиментальный, объясняемый, съ одной стороны, природною наклонностью автора ко всему чувствительному, а съ другой—подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, на которые въ то время была мода.

„Письма русскаго путешественника“, видимо имѣли передъ собою классическій образецъ въ этомъ родѣ литературы—„Путешествіе“ Стерна, котораго Карамзинъ называетъ „оригинальнымъ живописцемъ чувствительности“. Но подражать оригинальному автору возможно только при однородномъ съ нимъ талантѣ. Талантъ же Карамзина вовсе не былъ способенъ къ юмору, „озирающему міръ сквозь смѣхъ и слезы“. Цѣлостное, неразложимое сочетаніе двухъ противоположныхъ элементовъ въ одномъ юмористическомъ потокѣ даже приходилось ему не по сердцу. Онъ осудилъ драму Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, именно за то, что она заставляетъ зрителей въ одно и то же время плакать и смѣяться. Такой характеръ піесы онъ объясняетъ или отсутствіемъ вкуса въ авторѣ, или нехотѣніемъ автора подчиняться законамъ вкуса. Вслѣдствіе того, подражаніе Стерну вышло у Карамзина одностороннимъ и неглубокимъ, хотя и нѣтъ никакого повода заподозрѣвать искренность чувствительности, разлитой по всѣмъ „Письмамъ“ и, напротивъ, есть всѣ основанія утверждать, что она вполнѣ чистосердечна, какъ естественное проявленіе съ одной стороны—природнаго свойства его души, а съ другой—его понятія о пользѣ и необходимости этого свойства

для авторской дѣятельности. Карамзинъ самъ называетъ себя въ „Письмахъ“ чувствительнымъ путешественникомъ.

II.

Изъ сочиненія В. Стоюнина: „О преподаваніи русской литературы“.

„Письма русскаго путешественника“ имѣютъ важное историческое значеніе въ нашей литературѣ.

Юноша Карамзинъ изъ сферы тогдашней русской жизни попалъ въ обстановку жизни европейской, хотя ему чужой, но духовно-родственной по его образованію и стремленіямъ. Статейка „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ отчасти можетъ послужить характеристикою этого юноши: тамъ ясно можно видѣть, какіе интересы жизни занимали его и друзей его. Юноша, по природѣ впечатлительный, развившійся подъ вліяніемъ великихъ европейскихъ умовъ, проникается пламеннымъ усердіемъ къ добру, любовью къ просвѣщенію, которое въ его глазахъ есть высшее добро для человѣчества. Чѣмъ меньше было вокругъ него этого животворящаго свѣта, тѣмъ больше любовь его должна была обращаться въ страсть и тѣмъ сильнѣе стремленіе въ ту просвѣтительную сферу. Чѣмъ больше его идеальный міръ расходился съ дѣйствительнымъ, тѣмъ больше меланхолическое настроеніе должно было овладѣвать имъ. Очень понятно, что при такихъ стремленіяхъ духа, онъ долженъ былъ сильно пристраститься къ европейскимъ писателямъ,

которые въ то время особенно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, представляя счастіе человѣка не въ дѣйствительномъ, а въ мечтательномъ мірѣ и полагая все это счастіе въ исключительной жизни сердца, въ однихъ интересахъ чувства. Отсюда и одностороннее стремленіе къ такимъ интересамъ, отсюда и болѣзненная слабость сердца, производящая слезы при всякомъ нарушеніи гармоніи сердечной жизни. Изъ всѣхъ такихъ писателей Ж. Ж. Руссо сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ на сердце Карамзина; по его собственнымъ словамъ, душа Руссо въ это время отчасти переселилась въ его душу, (письмо изъ Эрменонвиля). Вотъ какимъ юношей отправляется онъ въ путешествіе: пылкій, чувствительный, мечтательный, онъ не могъ отдаться изученію какой либо одной науки, одной спеціальности; онъ уважалъ ихъ всѣ, такъ какъ онѣ всѣ ведутъ къ просвѣщенію; но онъ искалъ жизни для сердца, впечатлѣній въ той средѣ, которая цѣлыя столѣтія развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія, облагораживая образъ человѣка.

Первое письмо его даетъ какъ бы тонъ всѣмъ прочимъ его письмамъ, характеръ которыхъ удивительно выдержанъ. Въ немъ мы видимъ то противорѣчіе, въ какое автора поставила его болѣзненная чувствительность, а съ этимъ вмѣстѣ — и страданіе, какъ слѣдствіе ненормальнаго положенія: мысли его несутся въ просвѣщенную Европу, сердце его ожидаетъ найти много пріятныхъ впечатлѣній, тамъ онъ провѣритъ, насколько примѣнимъ въ дѣйствительности тотъ чистый идеалъ человѣка, который разви-

вался въ немъ; но исполненіе этихъ завѣтныхъ его мечтаній вдругъ нарушаетъ гармонію, какою наслаждалось его сердце въ кругу его друзей; оно производитъ не легкую грусть, свойственную сердцу при разлукѣ, а болѣзнь души, причиняющую сильныя страданія. Такъ страдать можетъ человѣкъ, котораго насильно отрываютъ отъ его роднаго круга и у котораго въ виду только скука и одиночество. И въ слѣдующихъ письмахъ каждый разъ это чувство возобновляется въ немъ, когда онъ вспоминаетъ о своихъ друзьяхъ.

„Письма русскаго путешественника" можно раздѣлить на четыре части: 1) письма изъ Германіи, 2) изъ Швейцаріи, 3) изъ Франціи, 4) изъ Англіи. Каждый ученикъ можетъ заняться изученіемъ одной изъ нихъ по вопросамъ, имѣющимъ въ виду опредѣлить личность автора, тѣ мысли и чувства, которыя возбуждались въ немъ разнообразными явленіями европейской жизни, тѣ основанія, по которымъ онъ дѣлалъ оцѣнку людямъ и дѣйствіямъ, тѣ протесты, которые приходилось ему высказывать противъ явленій, несогласныхъ съ собственными его чувствами. Въ письмахъ Карамзина главное—интересы просвѣщенія, какъ счастія человѣчества, любовь къ человѣчеству, уваженіе личности; все это даетъ имъ важное значеніе для той эпохи, когда въ русской жизни еще слишкомъ мало были развиты эти высшіе интересы. Передъ нами вездѣ русскій юноша, съ восторгомъ обращающій вниманіе на плоды цивилизаціи, которыми еще очень мало пользовались въ его отечествѣ.

Но кромѣ того каждая часть представляетъ еще свой особенный интересъ. Въ первой части—встрѣча съ извѣстными учеными и писателями, какъ дѣятелями на поприщѣ просвѣщенія; въ ихъ лицахъ юноша видитъ олицетвореніе науки и искусства, передъ которыми онъ преклоняется. Никакія имена не производятъ на него такого впечатлѣнія и не возбуждаютъ такого благоговѣйнаго чувства, какъ имя писателя, трудившагося надъ разъясненіемъ того или другаго вопроса науки или жизни. И къ бесѣдѣ съ ними онъ былъ приготовленъ чтеніемъ ихъ произведеній. Разсмотрѣть подробно Карамзина въ кабинетѣ германскаго ученаго —одна изъ тѣхъ темъ, которыя могутъ хорошо познакомить съ личностью путешественника. „Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ“ — мысль, выраженная въ одномъ изъ писемъ Карамзина (изъ Берлина отъ 30 іюня), составляетъ другую тему его германскихъ писемъ. Онъ наблюдаетъ надъ отношеніями между людьми въ самыхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ сценахъ; онъ питаетъ свое сердце или мыслями о дружбѣ, или трогательными разсказами. Изъ путешествія по Германіи онъ вынесъ мысли, которыя также могутъ служить ему характеристикою: „Пріятно, весело переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, сама душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія... Человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ

вездѣ наслажденій и находитъ ихъ вездѣ, бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ все человѣчество. А мудрая связь общественная, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто-бы нарочно для меня придуманныя, по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ! Однимъ словомъ, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй ипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей ипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество!" (изъ Страсбурга отъ 6 августа).

Главный интересъ швейцарскихъ писемъ опредѣляется слѣдующими словами путешественника: „И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ" (изъ Базеля). Въ другомъ письмѣ онъ восклицаетъ: „Ахъ, друзья мои, не должно-ли мнѣ благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее отъ своего сердца!" Это великое и прекрасное онъ находилъ

въ швейцарской природѣ и свои письма наполнялъ ея описаніями. По нимъ хорошо опредѣляется его отношеніе къ природѣ, что́ также можетъ составить тему для опредѣленія личности нашего писателя. Какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ не могъ не увлекаться и красотами природы, не могъ не отдаваться ей всѣмъ своимъ сердцемъ и нерѣдко также впадалъ въ крайность въ своихъ чувствованіяхъ. Его воображеніе рисовало ему идиллическія картины, предъ которыми онъ умиляется и которыя заставляютъ его забывать несовершенства дѣйствительной жизни. При такомъ отношеніи къ природѣ онъ высказываетъ полное сочувствіе къ самой простой жизни; его не тревожитъ никакое честолюбивое стремленіе; оно было ему чуждо и во всю его жизнь.

Въ письмахъ изъ Франціи главный интересъ составляетъ общественная жизнь, ученыя и просвѣтительныя учрежденія, историческія воспоминанія и анекдотическіе разсказы, изъ которыхъ большая часть можетъ назваться трогательными. „Я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій,—замѣчаетъ авторъ;—но выѣхалъ изъ него не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія". Опредѣлить характеръ удовольствій путешественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственную личность — новая тема, заслуживающая вниманія.

Въ письмахъ изъ Англіи путешественникъ обращаетъ особенное вниманіе на трудовую жизнь, ведущую къ довольству: „Какая дѣятельность и какой порядокъ! —воскли-

цаетъ онъ.—Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой". Это-то особенно и восхищаетъ Карамзина, и его письма наполняются разными разсужденіями, вытекающими изъ наблюденій надъ настоящею жизнью англичанъ. „Я умствую,— говоритъ онъ—таково дѣйствіе англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ". Благоустройство и порядокъ вызывали также въ его письмахъ описанія: парламентъ, суды, тюрьмы, больницы, биржа, музеи, все это онъ изображаетъ какъ обстановку просвѣщенной жизни; описывая семейную жизнь англичанъ, Карамзинъ еще болѣе опредѣляетъ свою личность: „Я всегда думалъ, говоритъ онъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота-ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ, когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется-ли ѣхать на балъ или на большой ужинъ?.. Не смотря на лондонскую огромную церковь св. Павла, не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ ост-индской компаніи и даже не въ собраніи здѣшняго ученаго королевскаго общества, говорю я: англичане просвѣщены! нѣтъ, но

видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ счастіемъ, твержу сто разъ: англичане просвѣщены!" Отсюда легко опредѣлить, въ чемъ нашъ писатель полагалъ истинное просвѣщеніе жизни.

Возвратившись на родину съ такими взглядами, понятіями и стремленіями, Карамзинъ могъ назваться въ новомъ поколѣніи передовымъ русскимъ человѣкомъ. Самъ онъ говоритъ, что онъ возвратился съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностью чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра; къ этому можно прибавить: и съ желаніемъ дѣйствовать на пользу русскаго просвѣщенія.

Въ первомъ выпускѣ настоящаго изданія помѣщены **Сатиры—Кантемира** (цѣна 20 к.) Во второмъ—**Письма и Чистосердечное Признаніе,—Фонъ-Визина** (цѣна 20 к.) Въ третьемъ—**„О Время“** и **„Были и Небылицы“—Императрицы Екатерины II.** (Цѣна 25 коп.).

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

ПЕРВЫЕ ВОСЕМЬ ВЫПУСКОВЪ ИЗДАНІЯ:

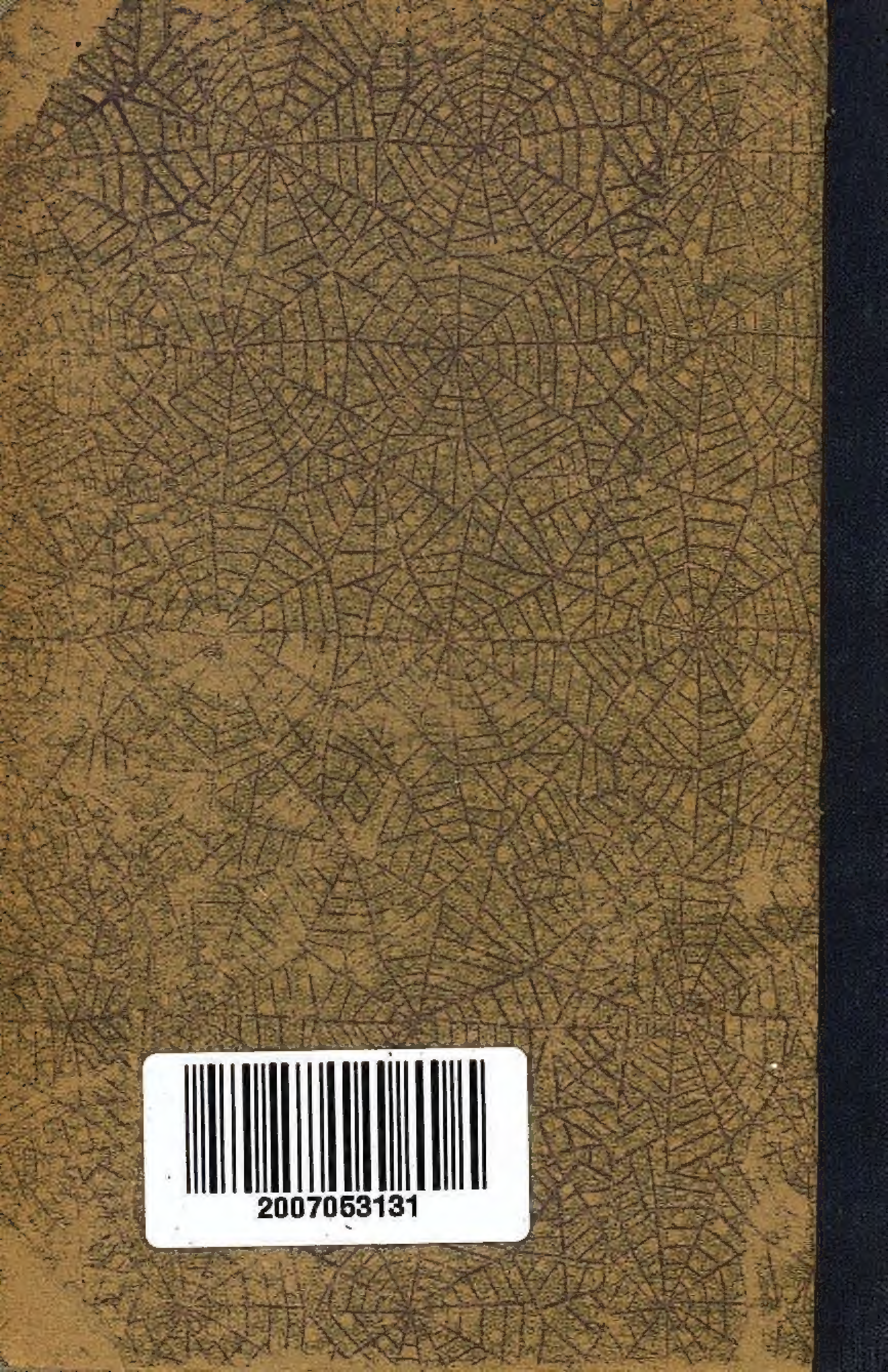
ЕВРОПЕЙСКІЕ КЛАССИКИ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

Содержаніе ихъ: 1-й выпускъ—Ифигенія въ Тавридѣ—**Гете**, 2-й—Коріолавъ—**Шекспира**. 3-й—Скупой—**Мольера**. 4-й—Божественная Комедія—**Данте**. 5-й—Лирическія произведенія—**Шиллера**. 6-й—Школа Злословія—**Шеридана**. 7-й—Эдипъ Царь—**Софокла**. 8-й—Поэмы и Лирическія произведенія—**Байрона**.—Каждый выпускъ, заключающій въ себѣ полный текстъ произведенія, снабженъ біографіею автора, объяснительною статьею и примѣчаніями. Цѣна каждаго выпуска **50** копѣекъ.

2007053131